

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

Черты летописного стиля в литературе XIX в.

В науке важны не только решения вопросов — важна и их постановка. Решения далеко не всегда бывают окончательными и безошибочными (даже в математике), между тем как иная постановка вопроса приводит к новым и нужным наблюдениям.

Исторические истины добываются с наименьшим напряжением сил, чем истины природы.

В работе И. П. Еремина о «Повести временных лет» (1947 г.) был заново поставлен вопрос о принципах и методах изучения древней летописи. Книга кончалась утверждением, что летописное повествование представляет собой систему исторического и художественного мышления и что «рецидивы» летописного стиля можно проследить в литературе нового времени.

Попробуем проверить вторую часть этого интересного и принципиально важного утверждения.

Война 1812 г., как известно, вызвала широкий интерес к русской истории. Ответом на него была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, построенная на летописном материале. Пушкин увидел в этом труде отражение самого духа летописи и назвал Н. М. Карамзина «последним летописцем»: «Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи».¹ Однако здесь же сказано, что Карамзин употреблял эти размышления лишь как краски, не полагая в них «никакой существенной важности». В этих словах скрыта полемика с Карамзиным: Пушкин придавал летописным «апофегмам» более важное значение. Это и отразилось в «Борисе Годунове».

В работе над трагедией Пушкин, по его собственным словам, шел путем изучения Шекспира, Карамзина и «старых наших летописей». При этом в летописях он увидел не только хронику происшествий и стилистические «краски», но и особый «образ мыслей» или «характер». Воплощением этого «характера» и явился в трагедии Пимен: «Характер Пимена не есть мое изобретение, — писал Пушкин издателю „Московского вестника“. — В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях».² Среди этих черт главные: отсутствие всякой «суетности», всякого мелкого «пристрастия», совершенное «простодушье» — «нечто младенческое и вместе мудрое». К этому Пушкин прибавил весьма многозначительные слова: «Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца».

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 136—137.

² Там же, стр. 74.